

**Федоров-Давыдов Александр
Александрович**

**Волшебный фонарик:
Рассказы, сказки,
стихотворения, шутки,
мелочи и прочее**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Александрович Ф.**
Волшебный фонарик: Рассказы, сказки, стихотворения, шутки, мелочи
и прочее / Федоров-Давыдов Александр Александрович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2026. – 116 с.

ISBN 978-5-519-78843-4

ISBN 978-5-519-78843-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

самого добраго котенка. Что это та-
кое: молоко лаять — нельзя; у печки
погрѣться — тоже, сейчасъ задають
тебѣ вопросъ: — «ну, чего разва-
лился, страшный?..», — повозиться
съ бумажкой — не думай: — «разы-
грался, чертенокъ!..» — и сейчасъ
же ногой въ бокъ!..

Просто одно мученіе!.. Главное,
обидно, что и съ бумажкой нельзя
побѣгать. Собственно говоря, вся-
кій комочекъ бумаги это — спе-
ціальная игрушка котенка.

Но Пуфъ лишень и этого удо-
вольствія. Пуфъ не долженъ играть,
Пуфу это не дозволяется.

— Я тебѣ поиграю!.. — грозитъ
на него кухарка, — вотъ плесну ки-
пяткомъ, — всего ошпарю.

За что? За черную шерстку?..
Вотъ она справедливость!..

IV.

Какъ у всякаго котенка въ дѣт-
ствѣ, — у Пуфа была очень наив-
ная, дѣтски-симпатичная мордашка.
Но, знаете, сегодня тебя ругаютъ, за-
втра гонятъ, послѣ завтра ногой тол-
каютъ, а тамъ общаются ошпарить
кипяткомъ, — поневолѣ озлобишься,
и мордашка станетъ серьезной, и
взглядъ прямо-таки разбойничій.

Пуфъ сталъ задумчивъ и со-
средоточенъ. И хотя мать ста-
рательно облизывала шероховатымъ
языкомъ всю его шубку до пыш-
наго хвостика включительно, онъ
сторонился и отъ нея, — онъ не при-
выкъ къ подобной ласкѣ, и съ дѣт-
ства приспособлялся оближивать себя
самъ, смачивать слюной розовень-
кія ладошки и уморительно умы-
вать ими и носъ, и мордашку, и
даже за ушами. Одиночество и за-
брошенность пріучили его къ само-
стоятельности.

Въ то же время онъ сталъ край-
не подозрителенъ, пугливъ и не
любилъ общества.

V.

Вы должны знать, что даже ку-
рица, когда вы идете мимо нея,
убѣждена, что вы непременно пре-
слѣдуете ее, и поэтому она пугливо
шарахается въ сторону.

Пуфъ — тоже. Ему всегда каза-
лось, что всѣ люди исключительно
существуютъ на свѣтѣ затѣмъ, что-
бы всячески преслѣдовать его, Пуфа.

А съ такимъ убѣжденіемъ, само
собою, будешь держать ухо востро,
и чуть что — давай Богъ ноги!..

Между тѣмъ, недовѣріе и быстро-

та — всегда возбуждаютъ во всѣхъ страхъ и досаду.

Пуфъ самъ испыталъ это на себѣ, честное слово!.. Сидишь себѣ на порогѣ, со скуки мордашку му-солишь. Вдругъ нянька идетъ. Ей же хочешь любезность сдѣлать, — шмыгнешь мимо, а изъ этого опять выходятъ непріятности.

— Фу, ты, проклятуцій!.. Чисто юла, — стрѣльнетъ мимо, страшила, инда сердце оборвется!..

Скажите, пожалуйста, — Пуфъ оборвалъ у нея сердце!.. Ну, статочное ли это дѣло?..

Бѣжишь по двору, ужъ, кажется, никому не мѣшаешь, — дворъ огромный. Вдругъ Поля, какъ угорѣлая, бѣжитъ. Пуфъ скорѣе черезъ дорогу, да на заборъ, а та бранится:

— Ахъ, ты негодный!.. Дорогу перебѣжалъ!.. — Добра не будетъ...

И опять — глупости: ну, можетъ ли Пуфъ, перебѣжавъ дорогу, причинить добро или зло Полѣ?..

VI.

Но Пуфъ дождался и радости — весны и теплыхъ дней; все сидѣли, сидѣли да кисли на кухнѣ, а тутъ выползли на свѣтъ Божій. Пуфъ, конечно, прежде всего, вырвавшись изъ

кухни, бросился въ самый дальній уголъ двора и вскарабкался на дерево.

Вспокоились воробы, загалдѣли:

— Котъ!.. котъ!.. Черный котъ!.. спасайся, братцы!.. — и вразсыпную.

«Ага! — подумалъ Пуфъ, — они, вѣроятно, раньше были маленькими людьми!.. Но не такими людьми, которыхъ я боюсь, а такими, которые меня боятся!..»

Отлично!.. Наматая это себѣ на усь!..

Впрочемъ, на дворѣ тоже было мало интереснаго; зато непріятностей — сколько угодно.

И на вольномъ воздухѣ люди такъ же кричали ему «брысь», ребяташки швыряли въ него камнями, собаки таскали за хвостъ.

«Нѣтъ, — рѣшилъ Пуфъ, — надо непременно стать выше этого!..»

И онъ влѣзъ на крышу!.. Ага!.. Тутъ было много интереснѣе; даже само солнце, которое никогда не заглядывало въ темные углы между сараями, здѣсь, на крышѣ, занималось исключительно только тѣмъ, что грѣло сидящихъ котятъ и особенно нашего Пуфа!.. Здѣсь можно было лежать враспяжку на тепломъ желѣзѣ хоть цѣлый день; затѣмъ много интереснаго нашлось въ досточныхъ желобахъ; напримѣръ,

прошлогодній засохшій листь. Онъ шуршалъ, удивительно задорно, и Пуфъ могъ гоняться за нимъ, сколько угодно. Здѣсь можно было даже вальсировать, ловя кончикъ своего собственнаго хвостика.

А вы никогда не ловили хвостика? Это удивительно интересно. Во-первыхъ, когда смотришь на него, то онъ начинаетъ слегка дрожать, какъ живой... Цѣлишься, цѣлишься,—лапы врозь,—цапъ его, анъ, онъ ушелъ... опять подстерегай его... зато, когда ухватишь лапами хвостъ,—тутъ-то потѣха и начинается. Кружишься, кружишься за нимъ слѣдомъ, потомъ на спину упадешь, и вытянешь его и кусаешь, конечно, осторожно, а то это очень больно.

VII.

Маленькому котенку, чтобы получить ѣду, надо только жалобно, жалобно мяукнуть. Сейчас же Клава срывается съ мѣста, приносить молока, сдобную булочку,

говядины и непременно сперва потискаетъ котенка, а потомъ накормить.

Но такъ живетъ только сѣрень-

кимъ и рыжимъ котятамъ. Черные котики могутъ мяукать цѣлый день,—и имъ вмѣсто обѣда только наступятъ на хвостъ и ихъ же обругаютъ:

— Чего лѣзешь подъ ноги?..
Несправедливость полнѣйшая!..

Пуфъ испыталъ на себѣ, что ежели хочется кушать, то надо не только помяукать, но непременно достать то, что будешь кушать... Какъ это сдѣлать?.. Тайкомъ подкрасться къ ѣдѣ и съѣсть. Конечно, послѣ этого въ тебя полетитъ все, что ни попало, люди закричатъ: — «я тебя проучу, негодный!..» — потомъ потреплютъ за уши и выкинутъ на дворъ. Это — полная обстановка завтрака, обѣда и ужина, и этимъ все и кончается...

Разъ на крышѣ Пуфъ былъ необычайно удивленъ. Онъ встрѣтилъ двухъ такихъ же, какъ онъ, черныхъ котятъ. Только у одного изъ нихъ на груди было бѣлое пятнышко, въ родѣ ордена... Они были очень похожи на Пуфа, такіе же угрюмые, взъерошенные, съ желтыми сердитыми глазами.

Чтобы познакомиться, необходимо недовѣрчиво пофыркать и слегка дать другъ дружкѣ одну или двѣ пощечины. Иначе котята никогда познакомиться не могутъ!..

Когда вся эта церемонія была исполнена, они легли на крышѣ, и тутъ пошли разговоры, разговоры безъ конца.

— Откуда вы?—спросилъ Пуфъ,-- и какъ васъ зовутъ?...

— Я изъ кухни, зовутъ меня Гуфъ,—сказалъ одинъ котенокъ,— меня избили и прогнали за то, что я весь черный.

— Я тоже изъ кухни, а зовутъ меня Фуфъ,—сказалъ другой котенокъ,— и меня избили и прогнали за мою черную шерстку.

Тогда Пуфъ облизалъ имъ шерстку на затылкѣ, а они — ему, и дружба была заключена прочная.

VIII.

— Какъ бы поѣсть, когда нечего ѣсть? — спросилъ первый Пуфъ.

— Надо поймать мышъ! — сказалъ Гуфъ.

— Или крысу! — дѣловито замѣтилъ Фуфъ.

— И онѣ принесутъ намъ обѣдать? — наивно спросилъ Пуфъ.

— Нѣтъ, ихъ надо съѣсть самихъ,—сказали Гуфъ и Фуфъ въ одинъ голосъ.

— Что же это за штука — мышъ? спросилъ Пуфъ.

— Это не штука, а звѣрь,—отвѣтили Гуфъ и Фуфъ.—Вы ловили когда-нибудь свой хвостикъ?

— Сколько разъ!—сказалъ Пуфъ, скашивая глаза на свой хвостикъ, который тотчасъ же задрожалъ и сталъ въ волненіи стучать по желѣзной крышѣ.

— Мышь очень похожа на него!.. Она такъ же увертлива, но ее надо

— А когда я укушу ее, мнѣ не будетъ больно?

— Вамъ? Почему же? — удивились черные котята.

— Но вѣдь мнѣ же больно, когда я кусаю свой хвостикъ.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то, —

выслѣдить, ударить правой лапкой по мордочкѣ съ боку, затѣмъ лѣвой, — и когда она ошалѣетъ, схватить ее за шиворотъ, и дѣло съ концомъ.

Пуфъ почувствовалъ, какъ дыханіе сперло у него въ груди, и морозъ пробѣжалъ подъ шерсткой...

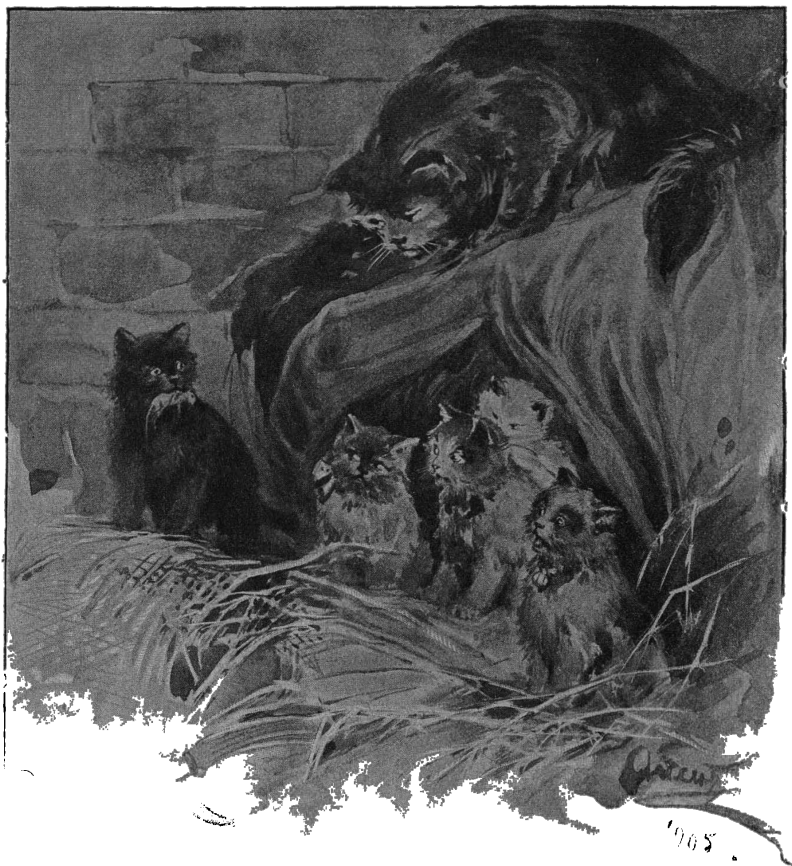
сказали котята, — тотъ хвостикъ бѣгаетъ самъ по себѣ, и у того хвостика даже есть свой хвостикъ!..

— Ничего не понимаю, — сказалъ Пуфъ.

Гуфъ и Фуфъ, какъ-то скосивъ головы, посмотрѣли на него и замѣтили:

— Пойдемте сегодня ночью въ кладовую, здѣсь, внизу, — вы помете въ чемъ дѣло...

замирало отъ ужаса, предчувствуя бѣду, которую готовили имъ черные котята въ эту страшную ночь...

Былъ вечеръ, темнѣло, и на крышѣ ярко вырисовывались черные силуэты трехъ злоумышленниковъ. Въ ту минуту не одно мышиное сердце

IX.

Да, въ ту ночь котята поохотились всласть. На каждаго пришлось

по два мышенка. А это что-нибудь да значить, особенно для новичка, какимъ былъ Пуфикъ. Эта ночь сразу переродила его, и онъ весь перемѣнился, словно сразу выросъ. И было отчего.

Черный Пуфъ понялъ и испыталъ на дѣлѣ, что есть живыя существа, которыя боятся и его, надъ которыми онъ можетъ верховодить. До сихъ поръ его мучили, гнали и пугали всѣ, кому было не лѣнь. Но теперь оказывается, что есть и такія созданія, которыя боятся и его.

Одного мышенка Пуфъ съѣлъ, а другого понесъ нарочно въ кухню, чтобы похвастаться: вотъ, молъ, какой я. Цѣлую мышъ одолѣлъ.

Подъ печкой, въ семьѣ котятъ, былъ полнѣйшій восторгъ.

— Пуфъ, ты самъ поймалъ? — спрашивала его мать.

— Самъ!

— Ахъ, какъ это, должно быть, страшно! — мяукнула сестра Пуфа, Кисенька.

Пуфъ только съ презрѣніемъ глянулъ на нее. И такую глупую кошку любить, цѣлуютъ и бантомъ повязываютъ?.. Удивительно!..

— Ты умный, Пуфикъ! — нѣжно сказала мать. — Лови мышей, попро-

буй поймать и крысу; ты этимъ прославишься у людей.

И она даже лизнула его въ лобикъ и внимательно осмотрѣла, не оцарапанъ ли онъ.

Но Пуфъ уже настолько одичалъ, что отворачивалъ въ сторону мордашку, хмурился и по-медвѣжьи облизывалъ лапы. Онъ зналъ, что онъ герой, а всѣ эти нѣжности — ни къ чему!..

Въ кухнѣ, среди людей, между тѣмъ, шли инныя рѣчи.

— Опять сюда, страшила, пожаловалъ? — всплеснула руками нянька. — Охъ, будь моя воля, — своими бы руками его удушила! Попомните меня, — быть бѣдѣ!.. Черныя кошки не къ добру!..

Х.

Надо же случиться такому несчастью, что какъ разъ въ день появленія Пуфа подъ печкой нянька упала и вывихнула себѣ руку.

— Охъ, охъ, охъ! — плакалась она. — Попустилъ Господь!..

Пуфъ изъ любознательности вылѣзъ изъ-подъ печки, — и этимъ испортилъ все дѣло.

— Онъ!.. Все онъ!.. — заговорила няня... — Сказывала я вамъ, — добра не будетъ. Все отъ этого чер-

наго котенка... Высунулся, напугалъ меня, я и упала... Ахъ, ты, негодный!..

«Тагъ, — подумалъ равнодушно Пуфъ, — теперь будутъ говорить, что я сломалъ ей руку!..»

Потомъ кухарка пролила масло на плиту, пошелъ чадъ страшный, она хотѣла снять горшокъ съ плиты, его, да пролила еще больше и обожгла руки.

И снова Пуфъ высунулъ мордашку изъ-подъ печки, — и теперь ужъ кухарка обрушилась на него.

— Чего бѣльма тарачишь? — закричала она на Пуфа. — Видно, правду няня-то говорить!.. Уйди ты, постылый!.. — И она замахнулась на него полотенцемъ.

Съ испугу Пуфъ вскинулся на столъ, опрокинулъ чашку со сливками, потомъ однимъ скачкомъ прыгнулъ на плечо горничной Полѣ, и оттуда — на верхнюю полку, гдѣ стояла посуда.

Поля взвизгнула:

— Господи!.. Страсти какія!.. Ахъ, ты пугало огородное!..

Но вечеромъ случилось худшее. Старый баринъ прихворнулъ, и послали за докторомъ. Няня немедленно заявила къ барынѣ и все доложила про Пуфа.

— Его это штуки, — увѣренно сказала она. — Развѣ можно черную кошку у себя держать?.. Дурная это примѣта, барыня. Вотъ и баринъ захворалъ. А взновать во всемъ котище. Развѣ такую нечисть можно дома держать? Сатана этому радуется, вотъ и мутить народъ. Давеча руку я себѣ зашибла; гляжу, а котище на меня уставился, — глазъ не спускаетъ. А глазъ у него нехорошій; потомъ Степанида масломъ руки обварила, — а котъ ужъ ее сторожить... Теперь баринъ слегъ!.. Сохрани Богъ, расхворается... Выкиньте въ эту страшилую вонъ изъ дому.

Барыня только разсердилась.

— Какія вы глупости говорите, няня, — досадливо сказала она. — Развѣ можетъ котенокъ какую-нибудь бѣду принести?

— Не котенокъ, а нечисть, — наставительно замѣтила няня. — Потому — любить нечистый черную кошку и всегда въ ней пребываетъ. Да-съ!..

— Все это вздоръ.

— Какъ вамъ будетъ угодно! — сказала обиженно няня, пошла въ кухню и сказала дворнику:

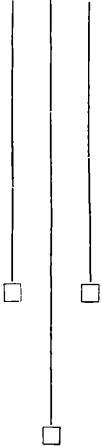
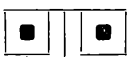
— Барыня приказала тебѣ чернаго котенка этого взять да забросить, куда ни есть!..

И дворникъ взялъ Пуфа, снесъ на улицу и бросилъ его тамъ.

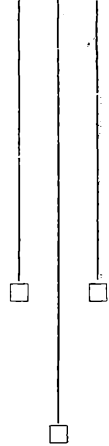
Бѣдный Пуфъ!.. Несчастный Пуфъ!.. Онъ былъ объявленъ злодѣемъ! Онъ ломаетъ руки нянькамъ, обжигаетъ руки кухаркамъ и насылаетъ болѣзни на стараго барина.

Господи Боже мой!.. Вотъ разбойникъ! Вотъ злодѣй!.. И все это дѣлаетъ онъ, сидя подъ печкой и миролюбиво облизывая розовенькія ладоши своихъ лапокъ и мусоля ими свою черную, пушистую мордашку!..

А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.

НА РОДИНѢ.

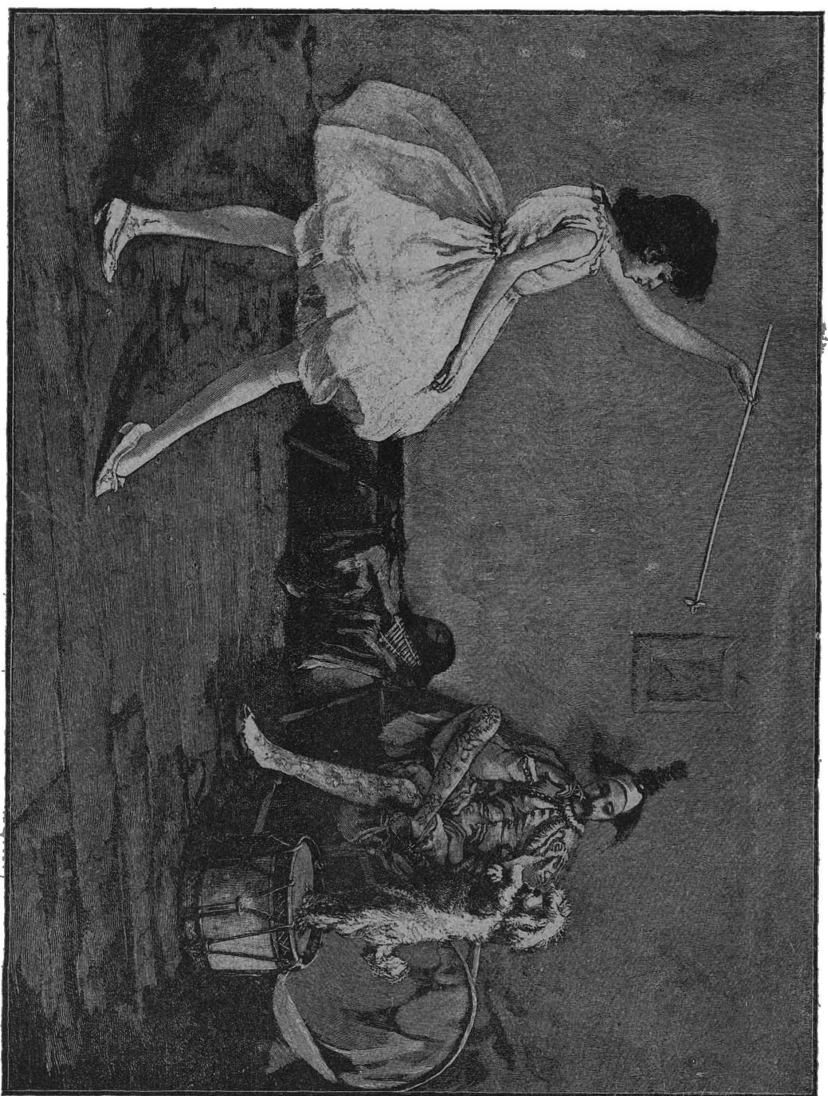

*Вотъ знакомый старый домъ,
Дальше, подъ горою
Вьется рѣчка за селомъ
Лентой голубою.*

*Сквозь туманъ передо мной
Лѣсъ встаетъ дремучій,
Въ небесахъ бѣгутъ толпой
Сѣренькія тучки.*

*Какъ бы весело мнѣ жить
На такомъ просторѣ,
Да нельзя похоронить
Здѣсь лихое горе.*

С. Дрожжинъ.

Урокъ въ циркѣ.